

Кубиатура. - 1999. - 10. - 16 июня Я. - с. 11

В Мексике варят не только "мыло"

Евгений Лазарев

Что мы знаем о Мексике? Кроме того, разумеется, что там богатые тоже плачут. Например, о мексиканском театре, его традициях и современном состоянии, о его связях с российской сценической культурой, наконец? А они были и есть. Имена Станиславского или Чехова, например, там не менее уважаемы, чем на их исторической родине. Евгений ЛАЗАРЕВ мог бы рассказать об этом немало интересного, тем более что его творческие поездки в Мексику в качестве педагога и режиссера начались без малого 20 лет назад и длятся до сих пор. Не столь давно он в очередной раз вернулся с латиноамериканского континента. Но начались наш разговор с вопроса о том, когда и как пришли в Мексику сведения о знаменитой системе Станиславского.

— Там работал ученик Станиславского, режиссер Секи Сана, японец, долгое время живший в Советском Союзе. Но в 30-е годы он уехал из СССР, потому что ему дали знать, что так будет лучше. Он долго путешествовал по миру и наконец — после второй мировой войны — оказался в Мексике. И стал там авторитетным проводником системы Станиславского и метода Московского Художественного театра. Он поставил все чеховские пьесы, причем, как тогда говорили, "по мизансценам МХАТа". Это производило на его учеников актеров впечатление документальности. Сегодня он считается одним из корофеев мексиканского театра. Его учеником является до 70. Это такие крупные деятели мексиканского театра, как Хосе Соле, Дабрето Гиманан, Бетрис Шеридан, Карлос Ансиро и другие. Действительно, очень талантливые артисты.

— Как же именно вы оказались в Мексике? Когда это случилось впервые?

— Секи Сана умер в 50-е годы. Но настоящей школы он так и не оставил. А потребность в изучении системы Станиславского сохранялась. И вот в 1990 году в наш Министратво культуры поступил запрос приехать в Мексику педагога системы Станиславского. Запрос попал в ГИТИС, где я тогда преподавал и по какому-то причинам выбор пал на меня. Кстати, тогда все было так не так. В 1980-м надо было отправляться одному и без переводчицы. Меня засылали туда, как Штирлица. Я не знал ни дня отсюда, ни часа — ничего. Практически перед вылетом меня вызвали в "большой дом" на бе-

седам с человеком, по усталому взгляду которого было видно, что он не меньше чем генерал. Помню, он произнес неловкую фразу: "Евгений Николаевич, не упрощайте там своего положения". Я почувствовал, что она сильно заряжена, хотя и не мог понять, что же это означает. Но фраза эта меня совершенно лишила покоя и необъяснимо внутренне мобилизовала. Человек был опытный, знал, что говорил. Конечно, когда я с проходной посылкой жене, она закончила в трубку: "Жена, ты летишь сегодня вечером!". Меня замечательно проводили и встретили. Единственное, о чем завела меня предупредить, так это о том, что не надо пить воду из-под крана. Что я тут же и сделал по своей привычке и несколько лет потом расплачивался.

— К чему же вы приступили, прилетев и вылив воды?

— Четыре дня искали переводчицу. Я же пока с мексиканцами разговаривал по-английски, что мне не очень нравилось. Они не слишком-то чуствуют своего северного соседа. А потом нашли Сальму Ансиро — молоденькую студентку МГУ, которая прилетела домой на каникулы. С ней я продолжал работать и по сей день. Тогда же я прочел курс, который назвал "Введение в систему Станиславского". У меня занимались только режиссеры и педагоги и в порядке исключения четыре студента-отличника со старшего курса Института Бельос Артез. Я тут же получил предложение приехать в Мехико еще раз — теперь уже в качестве режиссера, — поставить спектакль со студентами и модельными актерами.

— Как прошел ваш мексикан-

Слева: Е.Лазарев с мексиканскими актерами Фелипе Эль-Эль и Маргаритой Сана. В центре: "Старомодная комедия" пользовалась в Мехико небывалым успехом.

Справа: драматург Эмилио Карбальдио

ский режиссерский дебат?

— Должно удачи. До этого я в Москве в театре имени Маяковского выпустил "Ящерицу" по пьесе Александра Володина. Сальма посмотрела спектакль и сказала: "Это так, что нам нужно". Она в блестящем переводе на испанский язык. И в 1991 году я поставил "Ящерицу" в театре "Ориентасон". Случилось так, что эта постановка стала серьезным событием в их театральной жизни. Вышло около сорока рецензий, спектакль получил всевозможные премии. А недавно я узнал, что он был признан в Мексике одним из лучших спектаклей того десятилетия.

— Много лет спустя история повторилась?

— В общем, да. Ребята, с которыми я тогда работал, выросли, стали крупными актерами, ведущими мастерами мексиканского театра. И они решили снова со мной встретиться — как с педагогом и режиссером. вновь я преподавал и параллельно поставил два спектакля: "Старомодную комедию" Алексея Арбузова и "Письма Моцарта" Эмилио Карбальдио.

— Комедия, я считаю, получалась

и прозвела на них какое-то гигантское впечатление.

А Э.Карбальдио — их крупнейший драматург. У него сто пьес. Имеет лучу международных премий. В испаноговорящем мире он так же авторитетен, как, скажем, Маркес Живой, смешной, подвижный, немного напоминает нашего Александра Володина. У нас его не знают. Хотя некоторые пьесы совершенно мирового уровня. "Письма Моцарта" — история о том времени, когда в Мексике было очень сильно европейское влияние. Она ведь даже находилась под властью германского императора Максимилиана Габсбурга. Пьеса с тригическим финалом, с переходом из реализма в фантастику. Но этот спектакль, думаю, не слишком удался, хотя у меня были прекрасные актеры и лучшая сцена страны — Сент-де-ла-Сарте. Но "Старомодная комедия" меня волновала больше.

— Действительно ли у мексиканских артистов существует острый интерес к русской театральной школе?

— У них настоящая жадность к этому. Сначала, правда, задают во-

прос: может ли система Станиславского применяться на иной национальный почве? В ответ я им просто сценку какую-то уличную показывал из местной жизни и объяснял, как она раскладывается по системе. И они тут же начинали хотеть, топать ногами, приходили в восторг. Там, кстати, сейчас очень просят издать все, что вышло по этой проблеме после смерти Станиславского. Мы работаем над юнгию, куда войдут труды Кюбеля, Товстоногова, Попова, Гончарова, Лобанова, Захарова. Все это, естественно, будет переведено на испанский язык.

— Что собой представляет мексиканский театр, судя по вашим личным впечатлениям? Пользуется ли он зрительской популярностью или все внимание публики отдано мыльным операм?

— Что касается "мыльных опер", то там над ними смеются в отличие от нас. И никак не могу поверить, что в России какая-нибудь Вероника Кастро так популярна. Она приезжает от нас и рассказывает о своих победах, а ей не верят.

В мексиканском же театре есть свои корифеи. Два крупных режиссера, которым уже за 60. Один из

них — Лудвиг Маргулис, польский еврей, родившийся в России и побывавший в лагере. Он преобразил городскую культуру, живое починил систему Станиславского. Имеет свою актерскую школу. Ставил все на свете — от Шекспира до Теннисона Уильямса. Нежный, тонкий, проникновенный, безусловно талантливый человек. 24 часа в сутках проводит в школе или театре. Академическое направление мексиканского театра возглавляет Гактор Мендоза. Знаменит серийный "художественно-педагогический" спектакль: режиссер на сцене сначала беседует с актерами, а потом играет сцены из спектаклей. Я видел постановку на основе пьесы Тирсо де Молины. Должен сказать, там, где они играют театральную часть, это совершенно блестяще. Иллюстративные же фрагменты мне показались не достаточно убедительными.

Национальной компании сейчас не существует, хотя когда-то она была. Очень много возникает разнообразных групп. Скажем, есть такая Театр Ангелос, я смотрел там вакиант мексиканской "Трехгрошовой оперы". Здание — настоящий ангар, народу там, зрители — за столпика-

ми, которых туда вмещается до 500. Можно заказать напитки. Но мы очень мало знаем об этих людях. В них удивительное сочетание древней глубинной культуры с испанской гордостью, оправданным эстетиком. Судите сами. Ходят дамы в мини, на сцене танцуют публичные барышни в перьях, и действие достаточно фривольное. Но я ни у кого не видел даже пива, заказанного во время спектакля. Только лимонад или кока-кола. И никто не курит. Хотя все разрешено. Но люди пришли смотреть спектакль. Это меня просто поразило.

Везде широко играют Шекспира, самая популярная пьеса — "Отелло". Все время возникает где-то Чехов, обычно три его пьесы — "Чайка", "Три сестры" и "Вишневый сад". И водевили, которые знакомы каждому студенту.

— Там живет много русских?

— Как и везде, существует русская колония. Сейчас при нашем посольстве создается русская община. Только в посылской школе более ста учеников.

Беседу вел
Ирина АЛПАТОВА